

Миллеров Е. В., Миллерова А. Е.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПНОГО НЕУВАЖЕНИЯ К СУДУ

Аннотация. В данной статье затрагиваются лингвистические аспекты в вопросах квалификации и доказывания неуважительных действий, выражаемых по отношению к суду в рамках судебного разбирательства, исследуются критерии оскорбительности высказываний по отношению к участникам судебного разбирательства, порождающие состав преступления, предусмотренный ст. 297 Уголовного кодекса РФ, поднимаются вопросы значимости судебно-лингвистической экспертизы, особенности ее назначения по таким уголовным делам, а также вопросы оценки выводов данной экспертизы.

Ключевые слова: неуважение к суду, преступление, квалификация, доказывание, экспертиза, лингвистика, значение, особенности, проблемы.

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова А. Е. Лингвистические аспекты в вопросах уголовно-правовой оценки и доказывания преступного неуважения к суду // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 101–105. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-101-105

Millerov E. V., Millerova A. E.

LINGUISTIC ASPECTS IN CRIMINAL LAW ASSESSMENT AND PROOF OF CRIMINAL DISRESPECT FOR THE COURT

Abstract. This article discusses the linguistic aspects of the qualification and proof of disrespectful actions expressed towards the court during a trial, examines the criteria for offensive statements towards participants in a trial that constitute a crime under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation, and raises questions about the significance of forensic linguistic expertise, the specifics of its appointment in such criminal cases, and the evaluation of its findings.

Keywords: contempt of court, crime, qualification, proof, expertise, linguistics, significance, features, problems.

For citation: Millerov E. V., Millerova A. E. Linguistic Aspects in Criminal Law Assessment and Proof of Criminal Disrespect for the Court. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 101–105. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-101-105

Меры за неуважительное отношение к суду, вплоть до наложения судебного штрафа сегодня предусмотрены кодексами, регламентирующими в нашей стране различные виды судопроизводства (ст. 159 ГПК РФ, ст. 119 АПК РФ, ст. 122 КАС РФ), однако во всех нормах этих кодексов, предусматривающих указанные меры, есть

оговорка о том, что все они, в частности и наложение судебного штрафа, применяются, если в действиях нарушителя судебного процесса не усматривается уголовной ответственности. В свою очередь уголовная ответственность при неуважительном поведении по отношению к суду наступает в случаях наличия состава преступления,

предусмотренного ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду».

Исходя из диспозиции ст. 297 УК РФ, уголовная ответственность за неуважение к суду наступает в случаях, когда имело место оскорбление участников судебного разбирательства (ч. 1), за эти же действия, но оскорбляющие непосредственно судью, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, наступает более строгая уголовная наказуемость, предусмотренная ч. 2 данной нормы.

Таким образом, ключевым аспектом в квалификации деяния на предмет наличия либо отсутствия в действиях лица, проявляющего неуважение к суду данного состава преступления, является определение, были ли совершенные действия (высказывания, жесты) по отношению к участникам судебного разбирательства именно оскорбительными. Поскольку в основном, в подавляющем большинстве случаев, известных судебной практике, такие действия выражаются в негативных высказываниях в адрес участников судебного процесса в рамках судебного заседания (либо сразу после его завершения), то в числе важных доказательств оскорбительности высказанных слов и выражений, является заключение судебно-лингвистической экспертизы.

Исследователи интересующей нас тематики, обобщившие лингвистические труды на предмет определения ими признаков речевого оскорбления, сделали вывод о том, что «...ученые-лингвисты выделяют ряд диагностических признаков оскорбления. В частности, оскорбление характеризуется сообщением негативных сведений о потерпевшем, возможностью отнесения указанных негативных сведений к определенному лицу или лицам, информационным, а не субъективно-эмоциональным характером сообщения, неприличной (нецензурной) формой высказывания, негативной характеристикой адресата, наличием умысла» [1. С. 189].

Предварительное расследование уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ в форме дознания отнесено ст. 151 УПК РФ к подследственности дознавателей ФССП России. Согласно ведомственным методическим рекомендациям о назначении дознавателями ФССП России судебных экспертиз, дающим среди прочих их видов и определение «судебно-лингвистической» экспертизе, а также тому, что следует относить к оскор-

бительным выражениям (п. 6 рекомендаций). Здесь же, в этих методических рекомендациях (п. 6) для своих дознавателей ФССП России подчеркивает, что результаты данной экспертизы «имеют решающее доказательственное значение при производстве предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 297 УК РФ».

Однако в свою очередь суды по поводу значимости судебно-лингвистической экспертизы в интересующих нас уголовных делах, порою не так категорично положительно настроены, поскольку в некоторых научных трудах, в частности А. В. Верещагиной, посвященных вопросам доказывания по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ, приводится судебная практика без наличия в ней специальных лингвистических исследований, ввиду (по мнению судей) очевидности и недвусмысленности характера высказываний, причем с поддержкой такой позиции (об отсутствии необходимости назначения указанной экспертизы) суда первой инстанции, судом апелляционной инстанции, причем с приведением конкретных примеров, имевших место в разных субъектах РФ [2. С. 67]. По мнению А. В. Верещагиной, позиция судов в указанных случаях, противоречит принципу состязательности сторон и демонстрирует недопустимую уголовно-процессуальную ситуацию — совмещения процессуального статуса судьи и специалиста в одном лице. В случаях отсутствия заключения судебно-лингвистической экспертизы, производство которой требует определенного времени, А. В. Верещагина предлагает в качестве простого выхода из ситуации хотя бы привлекать к участию в деле соответствующих специалистов в сфере лингвистики, путем допроса которых разрешать вопросы, важные в уголовно-правовой оценке слов и выражений при квалификации деяний по ст. 297 УК РФ [2. С. 67]. Такая позиция А. В. Верещагиной, по нашему мнению, вполне логична и заслуживает поддержки.

Однако даже наличие заключения судебно-лингвистической экспертизы в рассматриваемом судом уголовном деле, как справедливо подчеркивают И. А. Петрова и Е. А. Майорова, не является догмой для судьи, поскольку согласно УПК РФ оно оценивается наряду и в совокупности с другими доказательствами, причем интересно заметить, что по мнению этих авторов, результат такой оценки зависит не только

исключительно от материалов рассматриваемого дела, но и от внутреннего мира судьи: «...Судья законно, по своему собственному усмотрению оценивает, была ли фраза оскорбительной или нет. Это достаточно сложный процесс, который зависит не только от обстоятельств дела, но и от самого судьи — его образования, культуры, в том числе культуры речи и т. п.» [3. С. 2849–2850].

Действительно анализ судебной практики показывает, что судьи различных судебных инстанций, порой совершенно поразному оценивают выводы одной и той же судебно-лингвистической экспертизы. Так, например, из кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ видно, что на приговор Тюменского областного суда, которым гражданин Х. был оправдан по ч. 1 ст. 297 УК РФ (за отсутствием состава преступления) в Верховный Суд РФ государственным обвинителем было принесено кассационное представление, из которого усматривается, что вынесению оправдательного приговора, помимо прочего, послужили выводы лингвистической экспертизы, которые, по мнению Тюменского областного суда, «являются противоречивыми и носят вероятностный характер». Однако Верховный Суд РФ, отменяя данный приговор Тюменского областного суда и направляя дело на новое судебное разбирательство, по этому поводу указал: «Нельзя согласиться с выводами суда о том, что заключение лингвистической экспертизы является противоречивым и носит вероятностный характер. Как следует из заключения эксперта, высказывания Х. в адрес потерпевшей являются, несомненно, оскорбительными по отношению к Б. Данные высказывания возможно расценивать как один из способов защиты обвиняемого Х. от предъявленного обвинения, но тем не менее они все равно носят откровенно презрительный характер по отношению к адресату и являются оскорбительными. Из приговора неясно, в чем суд усмотрел противоречивость и вероятностный характер выводов эксперта. Кроме того, суд в случае сомнений в выводах экспертизы мог сам назначить повторную либо дополнительную экспертизу».

При назначении судебно-лингвистической экспертизы важно точное приведение слов и выражений, которые были высказаны и в каком контексте. В своей публикации С. Е. Тимошенко приводит пример одного из уголовных дел, согласно которо-

му «...эксперту для исследования представлялся протокол судебного заседания, в котором не были дословно зафиксированы высказывания подсудимого. Вместо этого содержалась фраза: «Высказался нецензурной бранью» [4. С. 237]. Безусловно, таких вариантов назначения судебно-лингвистической экспертизы быть не должно, поскольку, даже не будучи экспертом, по данной ситуации можно сказать о том, что вообще не понятно, как и что по подобным материалам, представленным эксперту, ему надлежит исследовать.

Среди проанализированной нами судебной практики по уголовным делам, в рамках которых инкриминировалась ст. 297 УК РФ, обнаружены факты, когда оскорбление по отношению к участникам судебного разбирательства было не высказано, а выражено в неприличном жесте. Защитником по данному делу заявлялось ходатайство о проведении лингвистической экспертизы. Однако суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, самостоятельно признав этот жест непристойным, неприличным и оскорбительным, что было указано адвокатом-защитником в кассационной жалобе. В свою очередь суд кассационной инстанции поддержал позицию судов первой и апелляционной инстанции по данному делу, подчеркнув касательно отказа стороне защиты в проведении такой экспертизы следующее: «...Исследованный судом жест осужденного с позиций морали и нравственности, внешних условий его демонстрации — публично, в судебном заседании, являлся очевидно непристойным и оскорбительным, не требующим специальных познаний в области лингвистики, в связи с чем оснований для проведения экспертизы с использованием данных в указанной области знаний не имелось». Полностью поддерживая данную позицию Третьего кассационного суда общей юрисдикции, хотелось бы добавить, что жесты, в том числе их пристойность и непристойность, вообще не относятся к предмету исследования в рамках судебно-лингвистической экспертизы. Об этом говорят нам не только упомянутые выше методические рекомендации ФССП России, но и официальная информация экспертных учреждений других государственных правоохранительных ведомств, осуществляющих производство таких экспертиз, а именно учреждения Следственного комитета России, МВД России, Минюста России.

В связи с этим не может не возникать вопрос о том, какая, если не судебно-лингвистическая, экспертиза может назначаться в таких ситуациях, т. е. при демонстрации участникам судебного разбирательства оскорбительных жестов непристойного (неприличного) характера без словесного сопровождения таких действий. Анализ судебной практики показал, что по некоторым уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ в таких ситуациях назначалась комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Так, в феврале 2024 г. при рассмотрении одним из районных судов г. Калининграда гражданского дела, участник данного разбирательства оскорбил свидетеля, дважды показав ему неприличный жест в виде вытянутого среднего пальца левой руки (без какого-либо словесного сопровождения этих жестов). В рамках производства по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 297 УК РФ, для определения наличия непристойности и оскорбительного характера указанного жеста была назначена психолого-лингвистическая экспертиза, заключение которой, вопреки доводам защиты, было признано обоснованным и допустимым доказательством,

как судом первой, так и судом апелляционной инстанции. Поскольку жесты, как и речь, являются одним из средств межличностной коммуникации, а также исходя из научных трудов посвященных психолого-лингвистической экспертизе [5. С. 350–367], в таких случаях (демонстрация бессловесных оскорбительных жестов), наверное, действительно видится наиболее оптимальным назначение и производство психолого-лингвистической экспертизы.

Таким образом, судебно-лингвистическая экспертиза является важным доказательством по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ. Безусловно, заключение такой экспертизы не может иметь заранее установленной силы и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу (ст. 17 УПК РФ), но ее отсутствие в рамках производства по уголовному делу по такому преступлению (ст. 297 УК РФ), на наш взгляд, явно ставит под вопрос соблюдение правила достаточности совокупности доказательств для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

Литература

1. Петрова И. Л. Юрислингвистические особенности категории «оскорбление» в российском праве // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 185–191.
2. Верещагина А. В. Доказывание по уголовным делам о неуважении к суду (ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юрист-Правовед. 2022. № 1 (100). С. 64–69.
3. Петрова И.А., Майорова Е. А. Недостатки в правовом регулировании института ответственности за неуважение к суду и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2849–2850.
4. Тимошенко С. Е. Особенности назначения лингвистических экспертиз при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 297 УК РФ // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации». Омск. 28.03.2014. С. 230–237.
5. Желтухина М. Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Межвузовский сборник научных трудов «Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово» / Под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. Кемерово. 2011. С. 350–367.

References

1. Petrova I. L. Jurislinguistic features of the category “insult” in Russian law // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. No. 1 (46). Pp. 185–191.
2. Vereshchagina A. V. Proof in criminal cases on contempt of court (Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Yurist-Pravoved. 2022. No. 1 (100). Pp. 64–69.
3. Petrova I. A., Mayorova E. A. Shortcomings in the Legal Regulation of the Institution of Liability for Contempt of Court and Ways to Overcome Them // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 12 (49). Pp. 2849–2850.
4. Timoshenko S. E. Features of the Appointment of Linguistic Expertise in the Investigation of Crimes Under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation // Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation”. Omsk. 28.03.2014. Pp. 230–237.

5. Zheltukhina M. R. Complex Forensic Examination: A Psychological and Linguistic Aspect // Interuniversity Collection of Scientific Papers "Jurislinguistics-11: Law as Discourse, Text, and Word" / Edited by N. D. Golev and K. I. Brinev. Kemerovo. 2011. Pp. 350–367.

Сведения об авторах

Миллеров Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета.

Миллерова Арина Евгеньевна — студент 3-го курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Information about the authors

Millerov Evgeny Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University.

Millerova Arina Evgenievna — 3rd-year student at the Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication at the Southern Federal University.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

